

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
И КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА:
СИНЕРГИЯ СМЫСЛОВ И КОНЪЮНКЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОЛЖНОМ И СУЩЕМ ПО ПРОЧТЕНИИ
МОНОГРАФИИ: Н.С. Бондарь. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ РОССИИ: ОЧЕРКИ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 272 с.
(Библиотека судебного конституционализма. Вып. 7)**

© 2018 г. Н. М. Добрынин

*Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН
Федерального исследовательского центра;
Институт государства и права Тюменского государственного университета*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 08.08.2018 г.

Статья подготовлена в качестве отклика по прочтении вышедшей в свет в 2017 г. монографии судьи Конституционного Суда РФ проф. Н.С. Бондаря “Экономический конституционализм России: очерки теории и практики”. Всецело разделяя взгляды Н.С. Бондаря, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах правовой модернизации финансово-экономической сферы Российского государства и на том, как такой модернизации способствует деятельность Конституционного Суда страны. Отмечается значимость укрепления экономических основ государственного суверенитета России в условиях глобализации, определения баланса публичных и частных начал в финансово-экономической сфере на основе конституционных ценностей, дальнейшей конституционализации отраслевого законодательства в области финансово-экономических отношений и практики его применения. Делается общий вывод о том, что представленная аудитории монография вносит весомый вклад в развитие научно-теоретических и прикладных основ российского конституционализма и представляет несомненную пользу для широкого круга заинтересованных читателей.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, конституционная экономика, модернизация, правовое развитие, финансово-экономическая сфера, глобализация, суверенитет, правоприменительная практика, интерпретация, налогообложение.

DOI: 10.31857/S013207690002206-8

Пролог. Об особой важности темы

Конституция РФ, принятая четверть века назад, по многим позициям продолжает оставаться идеалом, достижение которого в современных условиях все чаще и чаще подвергается сомнению различными исследователями, а также политиками и представителями общественности.

Не случайным в этой связи является то обстоятельство, что все мы сегодня стали свидетелями огромного числа исследований и пуб-

ликаций самого различного толка, в которых подчеркнута отстаиваются ревизионистские взгляды, а читателям в том или ином виде предъявляется мысль о необходимости коренного изменения общественно-политического устройства России.

Чем чреват подобный “творческий” ревизионизм, наша страна знает не понаслышке: Россия на протяжении всего периода ее многострадальной истории вынесла достаточное количество “испытаний на прочность”; указанное об-

стоятельство должно являться самым решительным фактором для отказа на современном этапе от любых попыток ревизионизма, фактором, истоки которого со всей очевидностью коренятся в памяти поколений.

Сегодня у России в рамках конституционно заданной траектории правового развития может быть лишь один верный и исторически оправданный путь: это путь постепенной, планомерной политико-правовой модернизации, путь, исключаящий любые ревизионистские настроения и в то же время учитывающий потребности общества в обеспечении баланса конституционных ценностей в конкретно-исторических условиях.

Представляется чрезвычайно своевременной и глубокой по содержанию монография проф. Н.С. Бондаря “Экономический конституционализм России: очерки теории и практики”, вышедшая в свет в 2017 г. и ставшая органичным продолжением серии фундаментальных работ, образующих учрежденную им “Библиотеку судебного конституционализма”.

В чем же заключается, по нашему убеждению, главная ценность исследования, представленного на суд взыскательной аудитории? Прежде всего в том, что проф. Н.С. Бондарь, успешно сочетающий на протяжении многих лет свою научную деятельность с работой в качестве судьи Конституционного Суда РФ, предлагает читателю эксклюзивную в этом качестве работу, в которой из первых уст излагаются насущнейшие вопросы, касающиеся как ключевых доктринальных подходов, так и важнейших практических аспектов, определяющих роль конституционного правосудия в конституционализации финансово-экономической сферы нашей страны, его общий и, без преувеличения, неопределимый вклад в дело политико-правовой модернизации современной России.

В этом отношении нет никаких сомнений в том, что в новой книге проф. Н.С. Бондаря (хотя, исходя из ее названия, она акцентирует внимание читателя в первую очередь на различных аспектах экономического конституционализма в стране), каждый, кто задумывается о судьбах России, найдет для себя ответы на широчайший спектр непростых вопросов онтологического свойства.

Представляется весьма важным обратить внимание на несколько ключевых аспектов сопряжения и взаимопроникающего влияния экономического конституционализма и кон-

ституционной экономики в динамике их непрерывного и нерасторжимого развития, которые излагаются ниже, в том числе с опорой на взгляды и суждения, сформулированные проф. Н.С. Бондарем.

Экономический конституционализм России и конституционная экономика в условиях глобализации: еще раз о проблемах охраны государственного суверенитета и защиты конституционных ценностей самостоятельной многоукладной экономики

В современных условиях всякий раз, когда речь заходит об экономических явлениях, нельзя не принять во внимание объективно происходящие в мире процессы, участником которых в силу самых различных, но вполне естественных причин является и Россия, выступающая полноправным членом международного общения.

Соответственно, освещая различные аспекты экономического конституционализма нашей страны как явления, ближайшим образом соотношенного с конституционной экономикой, становится невозможным (да и есть ли в этом необходимость?) каким-либо путем избежать дискуссии о глобализации и ее влиянии на внутреннюю ситуацию в национальных государствах. Особенно если учесть, что результирующая составляющая наиболее значимых процессов глобализации в современной цивилизации, где право стало без преувеличения доминирующим регулятором социальных преобразований, всегда получает большее или меньшее правовое закрепление и отражение.

Отсюда актуальность постановки проблемы глобализации не только в ее экономическом измерении, но и глобализации конституционализма. Не можем в этой связи не поддержать мысль, сформулированную проф. Н.С. Бондарем: «Важно, что **глобализация конституционализма** (выделено нами. — Н.Д.) является отражением общих тенденций юрисдикции, усиления правового нормирования основных сфер социальной действительности в условиях перехода современной цивилизации к плюралистической демократии, утверждения ценностей индустриального общества, постепенного “вращения” национальных социально-политических и экономических систем в единую всемирную информационную систему постиндустриального общества, с од-

ной стороны, и возникновения в XXI в. новых глобальных угроз человечеству в виде не только международного терроризма, но также природных и техногенных катастроф, экологического и энергетического кризисов и так далее — с другой. Процессы *глобализации конституционализма* (выделено нами. — Н.Д.) выходят, таким образом, далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем, имеют самые различные: философско-мировоззренческие, социально-политические, экономические, нравственно-этические, юридико-правовые — масштабы измерения» (с. 26).

В то же время нельзя не отметить, что глобализация (впрочем, как и многие другие социальные трансформации сопоставимого с ней масштаба) имеет не только очевидные позитивные характеристики, но и столь же явные уязвимости (если не сказать изъяны).

На наш взгляд, весьма глубоко характеризует текущую ситуацию и связанные с ней вызовы для России проф. В.Д. Зорькин: «Встающие перед нами вызовы, как и в эпоху предыдущей “холодной войны”, являются системными — политическими, информационно-пропагандистскими, экономическими и даже, не исключено, военно-стратегическими. <...> В сфере нашей профессиональной компетенции и ответственности находится такой аспект этого кризиса, как размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов. Это проявляется как в самых разных сферах социальной жизни (социокультурной, экономической, политической и т.д.), так и на разных уровнях регулирования (национальном, международном, глобальном)... Причем... этот кризис особенно глубоко затронул Россию... *Мы находимся не просто в ситуации глобальной исторической турбулентности, а в самом ее эпицентре* (выделено нами. — Н.Д.)»¹.

Отмеченные в приведенном суждении обстоятельства и факторы — ярчайшее объяснение того, почему сегодня в России любой мало-мальски думающий человек все чаще размышляет (не может не размышлять!) о судьбах своей страны как с точки зрения процессов, происходящих внутри нее, так и в контексте глобальных тенденций, отчетливо обнаживших свое недружественное отношение к России в последнее время.

¹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 6.

И здесь на повестке в первую очередь находится вопрос о государственном суверенитете, необходимости его сохранения, обеспечения его незыблемости! В данном аспекте сложно не заметить, что экономический конституционализм в рассматриваемом срезе предстает в виде ключевого фактора экономических основ государственного суверенитета, ибо слабая, зависимая экономика, которую “*сильные*” экономики мира то и дело стремятся подчинить своим “*выгодам*”, в том числе и политическим, на фоне провозглашаемого в актах конституционного значения государственного суверенитета по определению не может считаться экономикой конституционной: в парадигме конституционно закрепляемого государственного суверенитета суверенной должна являться и национальная экономика, а если этого не наблюдается, то поводов считать ее именно конституционной экономикой объективно не находится.

Вместе с тем невозможно в конечном счете предугадать, приведут ли процессы глобализации к установлению такого миропорядка, при котором необходимость сохранения принципов Вестфальского мира естественным путем “*канет в Лету*”. Пока что мы имеем возможность наблюдать, как в международной практике повсеместно “*сильный*” принуждает “*слабого*” к проведению нужной (согласованной с “*сильным*”) политической линии, а в среде государств — членов таких конфедеративных образований, каковым является сейчас Европейский Союз, то и дело звучат сравнения этого объединения с Советским Союзом, в котором формально суверенные и полноправные союзные республики фактически были лишены “*права на самостоятельную политику*”.

Очевидным и вполне объяснимым на фоне процессов глобализации становится усиление межкультурной коммуникации разных наций, причем на уровнях, часто не достигаемых для правового нормирования и официального (открыто декларируемого) государственно-властного воздействия, исходя из современного понимания демократических ценностей и свободы личности.

Главными факторами, способствующими интенсификации и расширению горизонта межкультурных взаимодействий, являются бурное развитие информационно-коммуникативных технологий и сервисов в современном мире, существенный рост доступности этих

технологий и сервисов для населения большинства развитых и динамично развивающихся стран за счет их беспрецедентного удешевления, и, как следствие, фактическое устранение барьеров в виде государственных границ для обмена не только экономическими ценностями, но и прежде всего информацией, а также политическими и идеологическими технологиями.

Понятно, что в таких реалиях перед каждым государством мира, в том числе и перед Россией, стоит задача обеспечения неприкосновенности своих национальных интересов, выступающих главным условием сохранения этнокультурной идентичности народов соответствующих стран и имеющих фундаментальное аксиологическое значение в конституционно закрепляемой системе политических, экономических и социально-культурных координат.

Вот почему мы убеждены в справедливости и взвешенности аргументации проф. Н.С. Бондаря, когда он акцентирует внимание на том, что “глобализация напрямую влияет на конституционно-правовые системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их защиты, новые тенденции развития, хотя справедливости ради следует признать, что *во многих случаях она становится также фактором неустойчивости, утраты традиций национальных конституционных систем* (выделено нами. — Н.Д.). В этих условиях тем более важное значение приобретает придание отечественной системе государственности, включая политико-правовые, финансово-экономические, социально-культурные ее компоненты, ценностных императивов современного конституционализма в сочетании с национальными социокультурными ценностями экономического, социального развития России” (с. 27).

Становится очевидным, что происходящие в планетарном масштабе процессы так или иначе воздействуют на все или почти все стороны общественной жизни людей, ассоциирующих себя с определенными национальными (суверенными) государствами. Финансово-экономическая сфера, выступая, как уже отмечалось выше, фундаментом важнейшего компонента государственного суверенитета — суверенитета экономического, в этом смысле требует наиболее пристального внимания, ибо в условиях глобализации национальные экономики становятся точками межгосударственного сопряжения, на почве которых и

происходит дальнейшее развитие (со знаками “плюс” или “минус”) как политико-правовых, так и социально-культурных взаимодействий планетарного сообщества государств, наций, социальных групп и отдельных индивидов.

В контексте проблематики глобализации конституционализма, столь точно охарактеризованной проф. Н.С. Бондарем, отметим, что, по нашему убеждению, отнюдь не случайно, завершая выступление на Валдайском форуме (октябрь 2014 г.), Президент РФ В.В. Путин подчеркнул значимость сохранения и укрепления именно сложившихся и конституционно закрепленных приоритетов развития страны: “Россия свой выбор сделала, наши приоритеты — дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учётом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма. У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня. <...> Россия не требует себе какого-либо особого, исключительного места в мире... Уважая интересы других, мы просто хотим, чтобы и наши интересы учитывали, и нашу позицию уважали»².

Вышесказанное не только означает необходимость соблюдения и реализации национальных интересов России, но и подразумевает в том числе и прежде всего дальнейшее укрепление интегративной роли конституционного права как ключевой, системообразующей отрасли российского права и вообще российской правовой традиции; одновременно это — и признание того, что Россия, ее правовая система в целом и лежащая в ее основании отрасль конституционного права в своем дальнейшем развитии, безусловно, ориентированы как на поддержание и укрепление общепризнанных принципов и норм международного права, сложившихся к настоящему времени, так и на имплементацию новых механизмов и подходов паритетной и сбалансированной международно-правовой координации национальных интересов всех суверенных государств.

² Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай” по теме “Мировой порядок: новые правила или игра без правил?” (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/news/46860>

Особую роль в этом процессе, вне всякого сомнения, выполняет Конституционный Суд РФ, будучи единственным непосредственно предусмотренным Конституцией РФ органом конституционного контроля, наделенным исключительным правом толкования ее положений с учетом конкретно-исторического контекста. Эта роль без какого-либо гипертрофирования и комплиментарности (применительно к различным аспектам конституционализации финансово-экономической сферы нашей страны) крайне убедительно и отчетливо характеризуется проф. Н.С. Бондарем на протяжении всей его книги (с. 83–106, 108–113, 127–171, 188–202, 226–237 и др.).

**Финансово-экономические отношения
как неотъемлемый компонент российского
конституционализма: к вопросу о соотношении
публичных и частных начал в предметной
области конституционного права**

Сложнейшим аспектом в научно-теоретической и прикладной оценке экономического конституционализма России является вопрос о том, насколько финансово-экономические отношения могут составлять предмет конституционно-правового регулирования, а в какой части они должны регулироваться нормами иных отраслей российского права.

Традиционные для российской государственно-правовой науки подходы к определению предмета отрасли конституционного права не дают прямого ответа на данный вопрос: скорее, напротив, складывается впечатление (по разным причинам, в том числе и вследствие явной лаконичности текста Российской Конституции на этот счет), что финансово-экономическая сфера преимущественно находится за рамками предмета конституционно-правового регулирования.

Так, самый очевидный из подходов к формулировке предмета отрасли конституционного права России заключается, по сути, в перечислении с теми или иными вариациями названий глав действующей Российской Конституции: соответственно, предмет конституционного права определяется общественными отношениями, составляющими основы конституционного строя, обуславливающими правовое положение человека и гражданина, федеративное устройство и т.д. Порой эти общественные отношения сводятся путем

обобщения к четырем группам — “субинститутам”³, а в некоторых случаях редуцируются в привязке лишь к одному из признаков (например, общественные отношения, возникающие из народовластия⁴).

Современные точки зрения некоторых ученых (например, Е.И. Козловой и др.) близки положениям, сформулированным по вопросу о предмете отрасли конституционного права представителями свердловской (ныне — екатеринбургской) юридической школы при исследовании конституционного (в советское время — государственного) права зарубежных стран социалистического лагеря⁵; в соответствии со взглядами указанной группы авторов конституционное право регламентирует основы общественных отношений, возникающих в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни⁶.

Академик О.Е. Кутафин выделял лишь две группы общественных отношений, образующих предмет отрасли конституционного права России; он указывал, что регулируемые нормами конституционного права отношения представляют собой двуединый объект: в одних сферах жизни общества это лишь *основополагающие общественные отношения*, т.е. те, которые определяют содержание всех остальных отношений в соответствующей сфере, а в других — *весь комплекс общественных отношений*⁷.

Профессор С.А. Авакьян под предметом рассматриваемой отрасли права усматривает “наиболее фундаментальные общественные отношения, которыми характеризуются основы конституционного (общественного) строя Российского государства, сущность и формы власти народа; основы правового положения личности; государственное устройство России; система, порядок формирования, принципы организации и механизм деятельности

³ Ковешников Е.М. Российское конституционное право. М., 2002. С. 3.

⁴ См.: Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. М.; СПб., 2000. С. 10.

⁵ См., напр.: Государственное право зарубежных социалистических стран: учеб.-метод. пособие. Свердловск, 1970. С. 11; Государственное право зарубежных социалистических стран / под ред. В.Е. Чиркина и Б.Н. Топорни-на. М., 1976. С. 5.

⁶ Подробнее см., напр.: Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации. М., 2001. С. 17.

⁷ См.: Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 23.

органов государственной власти и местного самоуправления”⁸.

Профессор Е.И. Колюшин характеризует предмет конституционного права, включая в него три группы общественных отношений: возникающие при установлении основ общественного строя, статуса гражданина, организации государства и государственной власти⁹. Во многом похожие группы общественных отношений называют также профессора Б.Н. Габричидзе, Б.П. Елисеев, А.Г. Чернявский¹⁰.

Особая точка зрения на предмет отрасли конституционного права отражена в работах проф. М.В. Баглая. Будучи сторонником “узкого” подхода, он выделяет в предмете конституционного права “две основные сферы общественных отношений: а) охрана прав и свобод человека (отношения между человеком и государством); б) устройство государства и государственной власти (властеотношения)”¹¹; в отношении “закрепления основ общественно-го строя” и установления принципов гражданского общества им делается вывод, что их выделение в рамках предмета отрасли конституционного права служит “данью традиции со времен, когда в условиях тоталитаризма признавалось государственное руководство обществом”¹².

Важно отметить, что подобный подход разделяют и некоторые другие исследователи¹³.

Как видно из приведенных дефинитивных формул, вопрос об отнесении финансово-экономической сферы к предметной области конституционно-правового регулирования во многом и чаще всего остается открытым, не находящим своего однозначного решения и потому остающимся за рамками подробных исследований.

Тем ценнее на этом фоне выглядят и выгодно контрастируют со сложившимися подходами те мнения и идеи, в которых при определении предмета конституционно-пра-

вового регулирования финансово-экономическая сфера, будучи материальной основой для культивирования и развития экономического конституционализма, занимает положенное ей место в структуре предмета конституционного права¹⁴.

Например, акад. Т.Я. Хабриева и проф. В.Е. Чиркин, придерживаясь в целом мнения, сформулированного в свое время проф. Е.И. Козловой, считают, что “статичный (курсив наш. — Н.Д.) подход с перечислением четырех сфер общественной жизни хотя и верен, но недостаточен. Он должен быть дополнен... *динамикой* (выделено нами. — Н.Д.), то есть выявлением характера прямых и обратных связей (конституционное регулирование и реакция на него), указанием на основную цель этих связей (установление правовых основ для создания и распределения общественных ценностей) и на элементы (компоненты), между которыми они складываются (человек, различные коллективы, государство и общество). Поэтому... можно сказать, что конституция вправе называться современной (не хронологически, а по существу), если она регулирует основы общественных отношений: *экономической* (выделено нами. — Н.Д.), социальной, политической систем общества, его духовной жизни, правового статуса человека и гражданина, основы прямых и обратных взаимосвязей индивида — коллектива — государства — общества путем применения государственной власти, используемой в конечном счете для создания и распределения социальных ценностей при сотрудничестве и состязательности различных сил общества. <...> Такое определение громоздко, но оно более или менее всесторонне”¹⁵.

С учетом существующих ныне подходов и отмеченных выше тенденций по определению предметной области конституционно-правового регулирования представляется крайне важным то, что эта проблема не

⁸ Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 20.

⁹ См.: Колюшин Е.И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 7.

¹⁰ См.: Габричидзе Б.Н., Елисеев Б.П., Чернявский А.Г. Конституционное право современной России. М., 2004. С. 7.

¹¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 4-е изд. М., 2004. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ См., напр.: Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации. М., 2003. С. 5; Червонюк В.И. Конституционное право России. М., 2003. С. 3; и др.

¹⁴ См., напр.: Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М., 2017; Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002; Андреева Г.Н. Финансовая конституция в зарубежных странах / отв. ред. Г.Д. Садовникова. М., 2015; Бородач М.В. Конституционно-правовая природа публичной собственности. Тюмень, 2015; и др.

¹⁵ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007. С. 74.

оставлена в стороне и проф. Н.С. Бондарем: “Важным является вполне конкретный вопрос: в каком соотношении с существенными характеристиками и ценностными началами конституционного права находятся финансово-экономические отношения? В каких пределах их можно отнести к предмету данной отрасли права и как это соотносится с правовым регулированием соответствующей сферы отношений с помощью норм и институтов других отраслей права?” И здесь же обоснованно отмечает, что *“экономика и тесно связанная с ней социальная политика... – главная сфера проявления и столкновения наиболее значимых не только экономических, но и политических интересов* (выделено нами. – Н.Д.) *в любом современном обществе и государстве* (курсив наш. – Н.Д.)” (с. 46, 47).

Соответственно, по нашему убеждению, следует решительно поддержать проф. Н.С. Бондаря в его утверждении о том, что “неоправданно было бы ограничивать предмет конституционного права только так называемыми властеотношениями, т.е. теми общественными отношениями, которые возникают в процессе организации и осуществления государственной власти. Будучи материальной основой политических отношений, с одной стороны, и испытывая на себе их непосредственное воздействие — с другой, экономические отношения представляют собой важную сферу конституционного влияния” (с. 47).

Однако очевидно, что отнесение финансово-экономической сферы (в соответствующей части) к области конституционно-правового регулирования так или иначе приводит к постановке вопроса о соотношении в парадигме экономики частных и публичных начал. В этом отношении не случайной выглядит ремарка автора книги о том, что «включение финансово-экономических отношений в сферу правового воздействия других отраслей права — *как публичного, так и частного характера* — является свидетельством комплексного, межотраслевого регулирования этих отношений, что, в свою очередь, естественным образом порождает проблему разделения “сфер влияния” (курсив наш. – Н.Д.) между соответствующими отраслями» (с. 47).

Полагаем, что в контексте такой постановки проблемы важно учитывать, что сегодня взаимопроникновение частных и публичных начал в различных сферах общественного бытия (и, как результат, в праве) настолько ося-

заемо, что самое время задаться вопросом о том, насколько вообще в нынешних условиях имеет смысл руководствоваться выработанной некогда (в условиях жесткой позитивистской парадигмы) систематикой российского права.

Справедливости ради следует отметить, что усложнение общественной жизни, приводящее к известным метаморфозам в систематизации права, становилось предметом набирающих силу дискуссий еще в среде русских дореволюционных классиков юриспруденции. Так, один из видных юристов К.Д. Кавелин, размышляя о соотношении публичного и частного начал в регулировании гражданских правоотношений, отмечал следующее: “Нет ни одного частного юридического отношения, которое не подпадало бы под определение закона или по форме, или по содержанию, а определение законом, что это, как не выражение общественной потребности в виде общего, обязательного правила? Я могу покупать и продавать, но не все, что мне вздумается: есть вещи, которые продавать и покупать запрещается; я могу договариваться, но тоже не обо всем: есть действия, о которых договариваться не дозволено; я могу давать в ссуду и занимать, но опять-таки не совсем свободно: закон о росте или процентах ставит моему произволу и в этом отношении известные пределы... Во всем этом выражается, что частное не совсем так далеко от публичного, не так отделено от него китайской стеной, как многие готовы думать; будь это так, закон — орган публичных нужд и потребностей — и не подумал бы определять и ограничивать частные юридические отношения”¹⁶.

Продолжая исследование проблемы на примере гражданско-правовых обязательств, К.Д. Кавелин писал: “Частные обязательства, именно контракты и договоры, — что может, по-видимому, иметь более частное, приватное значение? Юридически они касаются только договаривающихся лиц и более никого. Однако на поверку выходит, что и частные обязательства имеют свою публичную сторону; в обязательствах, имеющих собственно частный характер, без сомнения, не суть только дело частного, приватного интереса, но очевидно имеют публичное, общественное значение. Что же в них перевешивает — публичное или частное и где в них граница того и другого? Те, которые думают, что она есть и может

¹⁶ Кавелин К.Д. Избр. произв. по гражданскому праву. М., 2003. С. 67.

быть найдена, пусть ее укажут. Мы видим, что она беспрестанно колеблется: частное беспрестанно переходит в общественное, как общественное беспрестанно перегибает в частное, партикулярное”¹⁷.

Подытоживая, ученый резюмировал: “Итак, внимательно просмотрев все части гражданского права, нельзя найти ни одной, в которой бы шла речь исключительно об одном частном, приватном; в каждой непременно оказывается очень много такого, что по своему значению, влиянию, роли имеет публичный, общественный интерес, касается более или менее общества, государства... В действительности область приватного, частного интереса не отделяется резкой чертой от общественного, публичного; но если бы когда-нибудь такое отделение и могло состояться, оно принесло бы совсем не те плоды, какие ожидаются, а напротив, сделало бы частную жизнь и приватные юридические отношения несносными и невозможными”¹⁸.

Следуя изложенной выше логике и хрестоматийной сентенции древнеримского классика Ульпиана, сформулировавшего применительно к современной ему правовой системе отличия публичного и частного права, несложно прийти к выводу, что в основании публичного права лежат публичные интересы, а в основании частного права — польза отдельных лиц.

И если уж в рамках генетически предопределенной дихотомии права происходит постоянная диффузия публичных и частных начал правового регулирования, то нет ничего удивительного в том, что наблюдается сегодня в российской юриспруденции: в рамках более дробной системы российского права с его отраслями, подотраслями и институтами подобное взаимопроникновение выглядит еще более детерминированным и закономерным.

В результате проблема предмета конституционно-правового регулирования при всестороннем обсуждении различных аспектов экономического конституционализма России получает принципиально новое измерение и практический смысл, в том числе дела объяснимыми в целом как процесс конституционализации отраслей российского права, так и усиление публично-правовых начал в регулировании общественной жизни, происходящее в контексте вызовов гло-

бализации и зарождающегося в России информационного общества.

Всецело поддерживаем вывод проф. Н.С. Бондаря, когда он излагает свою позицию: “Расширение предмета конституционного права за счет финансово-экономических отношений находится в общем русле правовой глобализации с учетом того, что именно конституционное право с присущей ему аксиологической системой призвано дать ответ на вопрос о надлежащем соотношении *власти* и *свободы* (читай — соотношении *публичного* и *частного*. — Н.Д.) посредством урегулирования основ отношений собственности и установления такого порядка взаимоотношений политической и экономической власти, при котором *публичная власть* действовала бы в правовых рамках всеобщих интересов, а *собственность* (выделено нами. — Н.Д.), будучи обособленной от власти политической, обеспечивала бы эффективный рост финансово-экономического потенциала государства” (с. 49).

**Несколько слов о стабильности
конституционных ценностей и правопорядка
в контексте отраслевых проблем
конституционализации финансово-
экономической сферы общественной жизни**

Спектр проблем политико-правовой модернизации финансово-экономической сферы нашей страны по вполне понятным причинам не исчерпывается лишь вопросами о нахождении оптимального баланса в сочетании публичных и частных начал в конституционной экономике, а равно об устойчивости экономической составляющей государственного суверенитета — здесь с учетом характера настоящей работы мы можем говорить лишь о некоторых из ключевых аспектов такой модернизации, которые представляются нам приоритетными, и о роли Конституционного Суда РФ в решении соответствующих проблем.

Однако не меньшей значимостью наряду с уже рассмотренными выше, по нашему убеждению, обладает и вопрос о стабильности конституционного правопорядка, допустимых границах его динамической изменчивости и, как следствие, об устойчивости основ экономического строя страны.

Такая стабильность (но не “зацементированность”), на наш взгляд, сегодня выступает одним из важнейших условий, *определяющих способность России взять*, обращаясь к метафоричному термину проф. В.Д. Зорькина, *правовой барьер*.

¹⁷ Там же. С. 73, 74.

¹⁸ Там же. С. 76.

Казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации России вообще и сферы финансово-экономических отношений, в частности, ясно: есть Конституция страны — отправное начало и фундамент всего правового порядка современной России.

Но это — лишь первый взгляд: российская Конституция, каким и должно быть Основному Закону государства, является документом всеобъемлющим, стержневым для всей системы российского права, но потому и не предполагающим детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В этом неявном “*противоречии*” конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с “*чистого листа*”, реализовать идею *tabula rasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между “*записанным*” в Конституции страны и правовой реальностью говорит им о том, что именно Конституция “*из рук вон*” плоха.

Вместе с тем следует помнить, что правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах создается не только Конституцией страны, но и законами, подзаконными нормативными актами.

Зададимся справедливо закономерным вопросом: насколько все наши современные законы и подзаконные акты хороши? Насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Давайте признаемся себе, что сегодня, всецело придерживаясь идей прагматизма права, мы настолько отделились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории. Многим из нас гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что Основной Закон нашей страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что имеем низкое качество принимаемых законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, изящной юридической теорией, прежде всего конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма.

Сказанное выше очень ярко и отчетливо подтверждается, если обратиться к анализу деятельно-

сти Конституционного Суда РФ, следуя за авторской логикой изложения материала в обсуждаемой здесь новой монографии проф. Н.С. Бондаря: на протяжении всей книги автор проводит и аргументированно отстаивает с опорой на конкретные правовые позиции Конституционного Суда тезис о том, что сохранение и обеспечение стабильности Конституции выступает одной из важнейших ценностей современного этапа правового развития страны, а необходимые в конкретном историческом моменте отдельные уточнения некоторых её положений вполне могут быть реализованы посредством конституционного толкования и истолкования.

Думается, следует признать, что это весьма важно, в том числе, *во-первых*, и для поддержания авторитета законодателя, *во-вторых*, и в целях обеспечения стабильности правового регулирования в целом, *в-третьих*, и в рамках укрепления доверия граждан к закону и органам власти.

Так, анализируя роль Конституционного Суда РФ в разрешении налоговых споров и в целом конституционализации сферы налогообложения, проф. Н.С. Бондарь пишет: “Значение КС РФ как инструмента конституционализации налогового права в большой степени определяется тем, что он является важным институтом гарантирования конституционных прав налогоплательщиков, средством разрешения налоговых споров, возникающих на уровне не только правоприменительной, но и налогово-законотворческой деятельности” (с. 226). И далее (в том числе и к вопросу о качестве отраслевых законов и подзаконных актов) ученый отмечает: “Реализуя обязанность по уплате налогов и сборов, налогоплательщик не застрахован от нарушений своих прав, что может быть вызвано не только противоречащими закону действиями или бездействием органов публичной власти и их должностных лиц, но и *являться следствием несоответствия самих законов конституционным принципам и критериям налогообложения и сборов* (курсив наш. — Н.Д.)” (с. 226).

Отнюдь не случайным выглядит тот факт, что приведенная выше ремарка о качестве отраслевого законодательства сделана автором книги именно применительно к вопросу о роли “*главного*” Суда страны в конституционализации налоговой сферы, представляющей собой столь же неотъемлемый, сколь и *совершенно особенный компонент экономического конституционализма* нашей страны.

Особенный потому, что, как верно отмечает проф. В.И. Крусс, “Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что... *платежи (налоги), обеспечивая финансовую основу деятельности*

государства, являются необходимым условием его существования (курсив наш. — Н.Д.). От того, в какой мере осознается всеми налогоплательщиками значение их основной обязанности, необходимость ее добросовестного выполнения и как такое осознание подтверждается на практике, решающим образом зависят состояние экономической системы государства, а значит, и осуществление им своих социальных функций, поддержание необходимых уровней безопасности и обороноспособности страны. Равным образом государство должно обеспечивать возможности добросовестного выполнения налогоплательщиками налоговой обязанности во многом сходным образом с тем, как оно конституционно призвано делать это по отношению к правам и свободам человека и гражданина¹⁹.

И здесь же вполне уместно согласиться с высказанным в литературе мнением ученых о том, что “даже в самом первом, поверхностном приближении нельзя не усмотреть в той области общественной жизни, в рамках которой обеспечивается исполнение фискально-экономических обязанностей человека и гражданина, настолько широкую гамму прямых и опосредованных взаимосвязей с другими областями юридического быта, что становится очевидным: *вся (без изъятий) государственная и, следовательно, правовая жизнь общества протекает в постоянной интерференции с процессами формирования и расходования фондов публичных средств* (курсив наш. — Н.Д.)”²⁰.

Вновь и вновь возвращаясь в контексте приведенных суждений к проблематике стабильности конституционных ценностей и правопорядка в целом, особо подчеркнем, что, по нашему глубокому убеждению, устойчивость и стабильность Конституции, на которой зиждется не только правовая система страны, но и существующие в ней общественные и государственные институты, есть залог также и их стабильности, важный фактор социального единства и в целом поступательного развития.

¹⁹ Красс В.И. Указ. соч. С. 11, 12.

²⁰ Бородач М.В. Фискально-экономические обязанности человека и гражданина в фокусе конституционализации российского права (Отклик в поддержку монографического исследования: В.И. Красс. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. 304 с.) // Государство и право. 2017. № 11. С. 66.

Всем нам потому важно осознавать, что в многотрудном процессе конституционализации финансово-экономической сферы, в деле упрочения основ экономического конституционализма России невозможно будет обеспечить стабильность (а значит, и необходимое качество!) отраслевых законов и подзаконных актов без опоры на соответственно стабильные положения Основного Закона государства.

Отрадно, что эту истину в Конституционном Суде РФ, являющемся как по существу, так и в силу прямого указания норм Конституции России главным источником конституционализации российского права, хорошо осознают: в этом нас убеждают результаты его четвертьвековой деятельности, в том числе и многочисленные примеры из практики “*главного*” Суда страны, снабженные соответствующими комментариями и необходимыми ремарками, которые приводятся на страницах монографии проф. Н.С. Бондаря, включая и те, что касаются отраслевой проблематики экономического конституционализма России (с. 172–265).

Эпилог. В заключение — о самом главном

Особо подчеркнем, обозначив в ходе предшествующих размышлений онтологический масштаб и глубину проблем конституционализации финансово-экономической сферы современной России, даже на фоне разноголосья критики, то и дело раздающейся в адрес “*главного*” Суда страны, что в России есть полноценный, самостоятельный, независимый и высокопрофессиональный Конституционный Суд, что он состоялся, несмотря на многочисленные перипетии и трудности его становления, что его правовые позиции и деятельность в целом смогли стать, метафорично выражаясь, путеводной звездой уже для целого поколения юристов в нашей стране и вообще для целого поколения российских граждан.

Это, конечно, совсем немного по историческим меркам, но колоссально много для сотен и тысяч людей, сумевших за эти четверть века благодаря деятельности Конституционного Суда РФ отстоять свои права, получить шанс на лучшую долю, обрести веру в право.

Об этом (и именно поэтому особенно ценна!) новая книга проф. Н.С. Бондаря.

ECONOMY: SYNERGY OF MEANINGS AND CONJUNCTION OF PERSPECTIVES. A REFLECTION ON THE NEEDS AND EXISTING AFTER READING THE MONOGRAPH: N.S. Bondar. ECONOMIC CONSTITUTIONALISM IN RUSSIA: OUTLINES OF THEORY AND PRACTICE. Moscow: Norma, INFRA-M, 2017. 272 p. (Library of judicial constitutionalism. Issue. 7)

© 2018 N. M. Dobrynin

*Tyumen scientific center of the Siberian branch of RAS Federal research center;
The Institute of State and Law of Tyumen state University*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 08.08.2018

The article is prepared as the author's reflection on the newly presented monograph "Economic constitutionalism in Russia: outlines of theory and practice" by Prof. N.S. Bondar, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation. Sharing the views expressed by N.S. Bondar, author highlights the basic issues of the legal development of the finance and economy in today's Russia and that the Constitutional Court is doing to support the legal transformations. Author notes the importance of strengthening of the economic basics of the national sovereignty of Russia in the course of globalization, defining of a balance of public and private interests in the sphere of finance and economy in their connection with the constitutional values, further constitutional development as of the specified legislation in the sphere of finance and economy, as of the practices of its execution. The general conclusion is that the presented monograph makes the significant contribution to the doctrinal and applied jurisprudence of the Russian constitutionalism, and it is undoubtedly useful for a wide audience of the interested readers.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional economy, modernization, legal development, sphere of finance and economy, globalization, sovereignty, law-execution practice, interpretation, taxation.